

УДК 82.09

Т.П. Сидорова

*канд. филол. наук, доц. каф. педагогики и частных методик
Гомельского областного института развития образования
e-mail: oikp@iro.gomel.by*

Н.Д. ГОРОДЕЦКАЯ О Н.В. ГОГОЛЕ: К ИДЕЕ КЕНОЗИСА

Рассмотрена реализация кенотических принципов в жизни и творчестве Николая Васильевича Гоголя в контексте религиозно-литературного исследования богослова Русского Зарубежья Надежды Даниловны Городецкой. В основу исследования положена глава «Идеал святости в русской художественной литературе» из книги Городецкой «Уничиженный Христос в современной русской мысли» (1938), где писателю отводится особое место духовного учителя и непризнанного праведника России XIX в.

Имя Надежды Даниловны Городецкой (1901–1985) – забытой писательницы Русского Зарубежья, литературного критика, журналиста, мыслителя-богослова (Городецкая стала первой женщиной, разработавшей и читавшей курс богословия в Оксфорде) – постепенно возвращается к русскому читателю. Но если ее художественное наследие (очерки, эссе, повести и романы, интервью и статьи) нашло своего издателя: в 2013 г. трудами сотрудников Пушкинского Дома вышло однотомное Собрание сочинений Н.Д. Городецкой «Остров одиночества» [1], то ее крупные богословско-философские работы ждут своего признания русскоязычным читателем. Ее серьезные глубокие труды: «The humiliated Christ in modern Russian thought» («Уничиженный Христос в современной русской мысли») (Лондон, 1938) и «Saint Tikhon Zadonsky, Inspirer of Dostoevsky» («Святитель Тихон Задонский, вдохновитель Достоевского») (Лондон, 1951) имели существенное значение в деле миссии Православия на Западе. Надежда Даниловна Городецкая – женщина-богослов, академист. В разработанном ею курсе богословия в университете Оксфорда она открывала своим слушателям мир духовности, любви, Божиего присутствия. Для нее курс богословия оставался не в теории: по свидетельствам современников, вся жизнь Надежды Даниловны была единым духовным подвигом, в котором главное место занимала идея кенозиса.

Для русской религиозной и литературно-философской мысли рубежа XIX–XX вв. (М. Тареев, П. Флоренский, В. Лосский, С. Булгаков, Н. Бердяев) особенно характерно обращение к теме кенозиса Иисуса Христа. Кенозис (греч. κένωσις; лат. exinanitio – истощание, умаление, опустошение) – богословский термин, обозначающий уничижительное состояние, добровольно воспринятое Сыном Божиим при Воплощении для спасения мира. Самоуничижение и последовавшее за ним прославление Иисуса Христа от Бога Отца описано во второй главе послания апостола Павла к Филиппийцам. «Для русского духовного ренессанса начала XX века» (термин принадлежит Н.А. Бердяеву) Бог страждущий, принявший образ раба, принесший Себя в жертву за человека; Бог любящий и милующий; Бог, Который понимает человека и берет его тяготы на Себя – был как никогда прежде дорог русской мысли и культуре.

В диссертации, ставшей книгой «The humiliated Christ in modern Russian thought» («Уничиженный Христос в современной русской мысли») (нами был осуществлен перевод данной работы на русский язык. – Т. С.) и опубликованной в Лондоне в 1938 г., Городецкая явилась выразителем тем, столь дорогих для мыслящих эмигрантов Рубежа веков: здесь – русская душа, русская миссия, русская идея, русские мальчики, русский тип, русский характер. Русские люди – другие, званые и избранные. Надежда Городец-

кая рассматривает реализацию кенотических принципов в русском характере на примере его лучших представителей: творческой, духовной интеллигенции, общественных деятелей, власть предержащих. Русским людям в большей степени присущи смирение, терпение, кротость, братолюбие (прощение обид), добровольная бедность (нестяжательство), скромность, жертвенность, немногословие, замкнутость, извиняющее поведение и пр. Таким образом, идея кенозиса – самоумаления, самоистощания (self-emptying) (Фил 2:5–8) в приводимых ею персоналиях реализуется в их стремлении подражать Христу в Его подвиге самоотречения, жертвенности, послушания.

В главе «Идеал святости в русской художественной литературе» Н.Д. Городецкая обращается к художественной литературе XIX в., отводя ей место миссионера святости и призвания России, выразителя ее ключевых духовно-нравственных ориентиров. «Литература приобрела то важное значение, которое долгое время было утеряно в других странах Европы, – полагала мыслитель, – и русские писатели, такие как Пушкин, Гоголь и Толстой больше рассказали о национальном характере, о заслугах и недостатках русского разума и сердца того времени, чем, например, историки и публицисты» [2].

Николаю Васильевичу Гоголю (1809–1852) Городецкая отводит особое место: его творческий и жизненный путь оказались так тесно переплетены, что черты его личной духовной биографии нашли непосредственное отражение в образах его персонажей. Гоголь внес в русскую мысль аспект «свободного религиозного опыта», которого так «не хватает школьной теологии» [2, с. 29].

Гоголь не принадлежал ни к одной из известных философских школ России, хотя, например, славянофилы считали его своим, но вскоре стало очевидным, что его путь – одинокий, особый. Гоголя «не удовлетворял смысл исторической реальности и он не понимал важности их (славянофилов и западников. – Т. С.) полемики». Отмечая «Шинель» (1834–1840) отправным текстом для всей последующей глубокой русской религиозной литературы, Городецкая пишет: «Гоголь – одна из самых загадочных фигур России XIX века. Он постоянно удивляет своей непредсказуемостью. Так, когда ожидался сборник забавных историй из украинской жизни, он написал реалистический и фантастический “Невский проспект” (1835). Смешная идиллия “Старосветских помещиков” (1835) обрывается внезапным вызовом смерти. Когда общество возмущалось поведением персонажей «Ревизора» или смеялось над ними, Гоголь плакал. Политическая сатира была наиболее ожидаемой от него, но сам автор настаивал, что его творчество есть воспроизведение его собственного внутреннего мира. Он отказался “совершать эпоху в литературной сфере” в соответствии с чаяниями его друзей, потому что считал, что его истинная работа должна быть “проще”: “моя работа есть душа и твердое дело жизни” “Мертвые души” (1842) также были авторским путем самоанализа. Самосуд и покаяние, произведенное демонами пошлости и мелких неромантических страстей, которые автор вывел коллективным портретом из самого себя. В художнике “Портрета” (1842) намечается излечение, о котором свидетельствует “гармоничная, торжествующая песнь” души. Второй том “Мертвых душ”, незаконченный и частично сожженный автором, должен был стать выражением такой гармонии. Гоголь проповедовал очищение души и тела художника и сам жил жизнью все нарастающего аскетизма для совершения великой и назидательной работы. Он в большей степени интересовался внутренним миром человека, нежели уделял внимание его общественному окружению, и проповедовал полное послушание Богу и лояльность к властям от Бога поставленным. Он верил, что личное совершенствование индивидуумов способствует формированию безупречного общества более, чем самые совершенные системы. В то же время он просил друзей и незнакомых читателей доставлять ему факты о российской жизни. В этом запросе было больше, чем просто желание автора, жившего за пределами страны, получить больше информации о ней; это была искренняя потребность

в познании людей. Все усилия Гоголя, его бдительный самоанализ (по мнению некоторых его друзей – болезненный) и его аскетизм были обусловлены желанием послужить и убеждением, что это служение должно быть в первую очередь достойным Божию делу. Служение было его призванием. Он стремился к нему с детства, и трудностью для него было выбрать поле деятельности, чтобы осуществить свое намерение. Отсюда его колебания между гражданским служением, учебой в университете, художественной литературой и, позже, сосредоточенностью на “душе и прочном деле жизни”» [2, с. 29–30].

Далее Городецкая цитирует «Исповедь» Гоголя: «И всегда казалось мне, что должно быть в моей жизни великое самопожертвование и что для того, чтобы послужить моей стране, я должен получить образование где-то далеко за ее пределами» [2, с. 32]. «И так случилось, что Гоголь, который в принципе не любил путешествовать, в самом деле покинул Россию, потому что за границей ему писалось лучше, глядя на Родину издалека, с более объективной, а потому – правдивой стороны. Но это “образование” способствовало в большей степени воспитанию его души и его связи с Богом», – полагает Городецкая [2, с. 32].

Современники Гоголя и многие поколения после него были слишком очарованы писателем как человеком. После выхода «Мертвых душ» Гоголь решил полностью посвятить свою жизнь служению Богу, его религиозный тип очень сложен: здесь и страх смерти, и образ Бога – Карающего Судии, идея Страшного Суда, которая будто преследовала его (рассказы матери, а затем и духовника отца Матфея Константиновского). Но за всем этим была искренность веры в стремлении следовать за Христом даже ценой отречения от ремесла художественного писателя, что вызвало недоумение и даже возмущение у его вполне “религиозно настроенных друзей”» [2, с. 30]. «Он протестовал против “перемены” в нем и указывал, что уже в его ранних сочинениях не важна художественная ценность; но никто на это не обратил внимания. Еще в 1832 г. в своих туманных теориях о преподавании истории Гоголь отмечал, что в разгар волнений древнего мира священные события приходили незаметно. «Со Старым заветом приходит Новый! Непризнанный, является Божественный Спаситель мира, но вечное Слово, не понятое правителями, звучит в темницах и пустынях, в мистическом ожидании зарождения новых народов». Такая же мысль в живописной форме была выражена в поэме в прозе «Жизнь» (1834). Из-за границы Гоголь постоянно писал своим друзьям с просьбой высылать ему религиозную литературу. В Париже в 1845 г. он ежедневно посещал богослужения и за два года написал свои “Размышления о Божественной литургии”, которые также были исправлены им незадолго до смерти. Но этот труд остался неизвестным публике» [2, с. 31].

«Размышления о Божественной Литургии», по мнению Городецкой, серьезный религиозный труд, который питался не страхом перед Богом, а сыновней любовью к Нему и Его Матери. Гоголю так ценны обращения к Деве Марии «прославленной», чтобы все могли научиться, что «смирение есть высшая добродетель и как Бог воплощается в скромном сердце». В божественности Христа он никогда не сомневался. Молитвы приводили его в трепет и благоговейное изумление. Но автор упоминает тот факт, что «он появился среди нас и подобен нам... хотя и не в том виде, в каком мы это представляли в своем воображении. Не в силе величия и славы; не как обличитель преступления; не как судия, который пришел, чтобы осудить одних и наградить других» [2, с. 32]. Среди аспектов Боговоплощения, кроме момента рождения в яслях, Гоголь более всего тронут таинством Евхаристии. До освящения даров он поражается Великим входом: «Облик Царя всего скрывается в скромном образе ягненка, лежащего на дискоме... окруженный орудиями его земных страданий» [2, с. 32]. И эти несколько замечаний приближают автора к идее «кенозиса». Гоголь никогда не скрывал, что он первый обратился к образу Христа как писатель внутреннего мира человека. Уникальное

знание Христом души человека убеждало его в существовании Бога, для него это стало «доказательством» бытия Божиего.

Гоголя незаслуженно обвиняли в высокомерии и даже гордыне, полагает Городецкая. Тогда как его жизнь – пример смирения и почти юродства Христа ради.

«После выхода первой части “Мертвых душ” все окружение Гоголя настаивало, чтобы он поспешил опубликовать продолжение. Но он отказался от спешки. Он пришел в ужас от тех демонов, которые вышли из-под его пера. Его произведения произвели резонанс в стране, он стал слишком известным. И он почувствовал, что должен достойно подготовиться и очиститься для новой работы. После показа адской темноты он решил создать гармоничный, позитивный христианский мир. Парадоксально, но Гоголь, голодающий до смерти, очищающий тело и душу, не достиг того успеха в русской религиозной мысли, как трагический и хаотичный Достоевский. Под конец он почувствовал, что не должен писать фантастику. Это решение было спровоцировано душевной бурей, не меньшей, чем та, которая подвигнет позже Толстого на соответствующий шаг. «Мне, верно, потяжелей, чем кому-либо другому, отказаться от писательства, когда это составляло единственный предмет всех моих <по>мышлений, когда я все прочее оставил, все лучшие приманки жизни и, как монах, разорвал связи со всем тем, что мило человеку на земле, затем, чтобы ни о чем другом не помышлять, кроме труда своего» [2, с. 33].

В этот период Гоголь был единственным живым писателем своего стана. Пушкин был убит на дуэли в 1836 г. и Лермонтов – в 1941. «Он может быть один из немногих, кто воспринял это как личную трагедию и в то же время понимал, что не может стать надеждой новой русской литературы, поскольку искал тишины, уединения и покоя. Но ему пришлось разрешать глубокую проблему отношения искусства и святости. Гоголь во имя святости уничтожил почти всю вторую часть “Мертвых душ”. Вот его собственное признание: “Нелегко было сжечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясеньем, где было много того, что составляло мои лучшие помышления и занимало мою душу. Но все было сожжено, и притом в ту минуту, когда, видя перед собою смерть, мне очень хотелось оставить после себя хоть что-нибудь, обо мне лучше напоминающее. Благодарю бога, что дал мне силу это сделать”. Он боялся, что его незрелый труд может нанести вред человеческим душам, а для него это было важнее, чем “наслаждение каких-нибудь любителей искусств”. И добавляет: “Не оживет, аще не умрет”, говорит апостол. Нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть». Преследуемый мыслью о смерти, хотя к своей продолжительной и тягостной болезни он относился как к Божьему дару, Гоголь систематизировал письма, которые слал своим друзьям в разные периоды своей жизни. Он знал, что некоторые из них были полезны адресатам. И он решил опубликовать их, надеясь, что с Божьей помощью «послужат они в пользу и другим, и снимется чрез то с души моей хотя часть суровой ответственности за бесполезность прежде написанного». Никогда его желание послужить не было так велико, как через собрание этих писем. Между тем, стремясь сократить свои собственные блага и помочь крайне нуждающимся, он анонимно посылает деньги студентам, одержимый идеей иметь при себе собственности не более одного чемодана. Скандал, произведенный публикацией «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) был невообразимым. Книга была полностью неправильно понята и интерпретирована всеми – от дружелюбной семьи Аксаковых до критически настроенного Белинского. Книга действительно содержала немало наивных замечаний, но были в ней также правильные и точные духовные советы. Никто из его хулителей не желал слушать гоголевские советы, хотя Гоголь объяснил, что не претендует на всезнание, но он скорее как школьник, который помогает своим друзьям пройти школу жизни. Эта книга, которая была «излиянием души и серд-

ца» автора, казалась ему ценной уже только по факту своей искренности. Но все находит объяснение в его сумасшествии.

«Над живым телом еще живущего человека производилась та страшная анатомия, от которой бросает в холодный пот даже и того, кто одарен крепким сложенем. Как, однако же, ни были потрясающи и обидны для человека благородного и честного многие заключения и выводы, но, скрепясь, сколько достало небольших сил моих, я решился стерпеть все и воспользоваться этим случаем как указанием свыше – рассмотреть построже самого себя». В одном из писем из этой злополучной книги Гоголь говорил другу: «Моли Бога о том, чтобы... нашелся такой человек, который сильно оскорбил бы тебя и опозорил так в виду всех, что от стыда не знал бы ты, куда сокрыться... Он будет твой истинный брат и избавитель. О, как нам бывает нужна публичная, данная в виду всех, оплеуха!» Это не был гиперболический стиль его ранних писем. Общий тон его «Переписки» был действительно сдержанным. Это не было пустыми словами. После того, как вся страна сделала худшее на пути «рассечения» его души, Гоголь писал: «По поводу того, что я страдаю... Что ж, надо чем-то жертвовать. Я сам нуждался в этой публичной пощечине более, чем кто-либо другой». Ничего не было бы проще для Гоголя с его единогласно признанным гением, чем закончить свою жизнь в богатстве, славе и всеобщем уважении и восхищении. Вместо всего этого он обратил свой взор к Богу и принял репутацию мракобеса и безумца. Он был готов даже приписать эту всеобщую слепоту своей собственной вине. И хотя он знал, что грешен, но чувствовал настоятельную потребность молиться не столько за себя, сколько за свою страну. Это также было осмеемо как неслыханная претензия. Кажется, что только за унижение и муки этого человека, которому русская литература так многим обязана, нужно вспомнить его в числе великих российских духовных судеб», – заключает Городецкая [2, с. 33–34].

Таким образом, в своей работе «Униженный Христос в современной русской мысли» Н.Д. Городецкая отводит Гоголю роль учителя непонятого, униженного, осмеянного, а через то – стяжавшего смирение и мзду на Небесах. Его художественное творчество является отражением его духовного становления как христианина, где нашлось место и самосуду, и покаянию, и обретению славы духовного писателя России, обратившего художественную литературу к человеку, реализации высшего замысла о нем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Городецкая, Н. Д. Остров одиночества : роман, рассказы, очерки, письма / Н. Д. Городецкая. – СПб. : Росток, 2013. – 845 с.
2. Gorodetsky, N. The humiliated Christ in modern Russian thought / N. Gorodetsky. – Leighton Buzzard : FAIT PRESS' LTD, 1938. – P. 27–34.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.01.2019

Sidorova T.P. N.D. Gorodetskaya about N.V. Gogol: to the Idea of Kenosis

This article considers the implementation of the kenotic principles in the life and work of Nikolai Vasilyevich Gogol in the context of religious and literary research of the theologian of the Russian Diaspora Nadezhda Danilovna Gorodetskaya. The study is based on the chapter «The Ideal of Holiness in Russian fiction» from Gorodetskaya's book «The Humiliated Christ in modern Russian thought» (1938), where the writer is given a special place of a spiritual teacher and an unrecognized righteous man of Russia of the XIX century.